Е. М. ЮХИМЕНКО

Новые материалы о начале Выговской пустыни

Возникновение и первые годы существования Выговской пустыни представляют собой наиболее важный и вместе с тем наименее изученный период в полуторавековой истории крупнейшего в России старообрядческого беспоповского центра. Основными источниками сведений о начале Выго-Лексинского общежительства служат созданные здесь литературные памятники, и прежде всего Слово надгробное Петру Прокопьевичу Андрея Денисова,[1] «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова[2] и воспоминательные слова Василия Данилова Шапошникова.[3] Однако эти сочинения характеризуются определенной односторонностью. Документальный материал по ранней истории Выга практически неизвестен. Исследователи располагали лишь расспросными речами 1695 г. шунжанина Терешки Артемьева, прожившего несколько месяцев в общежительстве инока Корнилия,[4] и двумя отписками холмогорского архиепископа Афанасия 1702 г., касающимися поимки и расспроса старообрядца Ивана Емельянова.[5]

---

[1] Изд.: Беляев И. Д. Слово надгробное блаженныя памяти боголюбивому Выгопустыннаго общежительства екклисиарху Петру Прокопиевичю; сочинено того же общества господином киновиархом Андреем Дионисиевичем // Русская старина. СПб., 1879. Т. 26. Ноябрь. С. 524—537.

[2] Изд.: Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.

[3] Краткую характеристику и перечень списков см.: Юхименко Е. М. Неизвестный выговский писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46.

[4] Этот источник был опубликован Е. В. Барсовым (ЧОИДР. 1882. Кн. 3, отд. 5. С. 35—40; Новые материалы для истории старообрядства XVII—XVIII вв., собранные Е. В. Барсовым. М., 1890. С. 35—40) и переиздан с привлечением фрагмента, опущенного в публикации Е. В. Барсова, Н. С. Демковой (Демкова Н. С. О начале Выговской пустыни. Малоизвестный документ из собрания Е. В. Барсова // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 237—248). Следует отметить, что в основу издания Е. В. Барсова было положено хранившееся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (далее: МГАМИД) подлинное дело (современный шифр хранения: ЦГАДА, ф. 163, № 12); небольшой, но наиболее интересный фрагмент данного столбца оказался в коллекции публикатора (ГБЛ, ф. 17, № 1232). Ранее, в середине XIX в., с подлинным полным делом в МГАМИД работал при написании «Истории России» С. М. Соловьев. На факт краткого пересказа этого источника С. М. Соловьевым указывала Н. С. Демкова (Демкова Н. С. О начале Выговской пустыни... С. 239).

[5] Одна из них — сообщающая о поимке Ивана Емельянова — опубликована Е. В. Барсовым (ЧОИДР. 1882. Кн. 3, отд. 5. С. 40—41; Новые материалы для истории старообрядства... С. 40—41); подлинник, находившийся в фондах МГАМИД, ныне хранится в ЦГАДА (ф. 163, № 13). Расспросные речи Ивана Емельянова, весьма сдержанные и краткие, пересказаны во второй отписке Афанасия (изд.: Верюжский В. Выговская пустынь в первые годы существования. Грамота холмогорского архиепископа Афанасия на имя царя, от 1702 г. // Христианское чтение. СПб., 1904. Т. 217, ч. 2. С. 748—750).

© Е. М. Юхименко, 1993

Ценные, в ряде случаев уникальные сведения о начале Выговской пустыни содержит обнаруженное нами в фондах ЦГАДА подлинное «Дело об олонецких раскольниках»[6] объемом 76 листов, включающее целый комплекс документов 1699—1700 гг. К 1699 г. относятся: изветные челобитные крестьянина Толвуйского погоста Мартемьяна Никифорова сына Ивантеева (л. 10—20) и крестьянина Шунгского погоста Тимофея Феофилова Соловара (л. 8—9); отписка новгородского митрополита Иова Петру I (л. 1—4, начало утрачено) с изложением еще двух изветов — толвуйского крестьянина Андрея Иванова и архимандрита Тихвинского монастыря Боголепа; отписки олонецкого воеводы Василия Зотова об организации сыска раскольников (л. 5—7; апрель 1699 г.) и о содержании изветчиков в Олонецкой приказной избе (л. 33; 24 августа 1699 г.); грамота Петра I новгородскому воеводе Петру Матвеевичу Апраксину о розыске раскольников (л. 31—32; август 1699 г.); расспросные речи Тимофея Соловара и Мартемьяна Никифорова в Новгородском приказе (л. 35—36; между 22 и 29 сентября 1699 г.). Названные документальные свидетельства, относящиеся к 1699 г., дополняются материалами начала 1700 г.: изветными челобитными игумена Палеостровского монастыря Кирилла (л. 40—45; 11 января 1700 г.) и шунжанина Федота Шахова (л. 55—56);[7] расспросными речами обельных Челмужского погоста Козмы Исакова и Михаила Петрова Ключаревых (л. 46—52; 13 января 1700 г.) и Михаила, сына попа Шунгского погоста Марка Хрисанфова (л. 57—64; 19 января 1700 г.); выписью из дел Олонецкой приказной избы по извету на братьев Ключаревых (л. 53—54); отписками царю Петру Алексеевичу олонецкого воеводы Василия Зотова в связи с изветом игумена Палеостровского монастыря Кирилла (л. 37—39; 26 января 1700 г.) и новгородского митрополита Иова с изложением упомянутых изветов и расспросных речей (л. 65—76, черновик).

В документах, сохранившихся в фонде Новгородского приказа, нашел отражение начальный период истории Выговской пустыни, характеризующийся преобладанием мирских черт. В 1695 г. Терешка Артемьев показывал, что в это время параллельно существовали общежительство, основанное на монастырских началах иноком Корнилием, и «Данилкино пристанище» — созданное бывшим шунгским дьячком Даниилом Викулиным крестьянское поселение преимущественно мирского характера.[8] В 1702 г. Андрей Денисов, вступая на пост настоятеля, заставил выговскую братию принять уставные статьи, направленные на укрепление и усиление монастырских основ общежительства.[9] Литературные памятники, созданные позднее, ставили перед собой целью не только зафиксировать историю Выговской пустыни, но и явить новому поколению выговцев образцы добродетельной и целомудренной жизни, служащие к подражанию.

---

[6] ЦГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 3 (Новгородский приказ), № 4816. Далее в тексте даются ссылки на листы этого дела.

[7] В «Деле об олонецких раскольниках» отложились делопроизводственные копии обеих челобитных. Видимо, по подлинникам оба документа были опубликованы в «Олонецких губернских ведомостях» (1849. № 8, 10), откуда перепечатаны Р. Б. Мюллер (см.: Карелия в XVII веке: Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. С. 370—374). В помете на челобитной игумена Кирилла предписывалось «обельних Куземку Исакова, Мишку Петрова сыскать и по сему челомбитью, о чем надлежит, роспросить» (Там же. С. 373).

[8] Демкова Н. С. О начале Выговской пустыни... С. 242—243.

[9] Подробнее об этом см.: Куандыков Л. К. 1) Идеология общежительства у старообрядцев-беспоповцев выговского согласия в XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 87—100; 2) Развитие общежительного устава в Выговской старообрядческой общине в первой трети XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 51—63.

Андрей Денисов в надгробном слове Петру Прокопьеву 1719 г. восклицал: «Егда же благодатию Божиею и благословением отец совокупихомся в сие общежительство в таковых пустых хлебонеродных местех, в толиких бурях и волнах неисчисленных... о, коликих трудов и потов в строительство сего общежительства воздолженствовало! О, коликих подвигов бедовметных и попечений многопечальных востребовало...».[10] Позднее, в начале 40-х гг. XVIII в., Иван Филиппов в окружном послании, прославляя «пустынные подвиги» и «исповеднические страсти» первых выговских отцов, замечал, что «повествование дел их может нас возбудити на подражание жития их, подражание же таковое наставит нас на стезю добродетели».[11] В силу указанных обстоятельств мирские черты раннего Выга не находили у писателей выговской школы достаточного отражения.

Вновь найденные документы помогают воссоздать целостную картину жизни Выговской пустыни конца XVII в.

В последнее десятилетие XVII в. старообрядческое движение в Поморье принимает все более значительный размах, что вызывало серьезное беспокойство местных властей. Так, новгородский митрополит Иов сообщает царю в отписке, относящейся к первой половине 1699 г.: «А прежде же сего в том Толвуиском погосте расколники и противники церковныя того их Вяжицскаго монастыря крестьяня были многия семьи и, выбежав з женами и з детми за Онего озеро на Выг реку, поселясь в расколницких станех, живут и доныне тамо, да с ними же живут и копятся иных городов многия расколники и разных чинов беглыя люди, поселясь дворами и в хижах и во градех множественное число» (л. 1). Проповедь «древлего благочестия» в олонецких пределах имела большой успех, «и от того их, воров и мятежников, лестнаго подговору и пагубнаго учения, — продолжает митрополит Иов, — из городов посацкие люди, а из волостеи и из вотчин крестьяне и бобыли з женами и з детми в те их расколницкия становища вышли многие люди и ныне выходят непрестанно» (л. 3).[12]

Андрей Денисов и Иван Филиппов в своих произведениях подчеркивали духовную связь Выговского общежительства с организаторами двух Палеостровских гарей 1687 и 1688 гг. Игнатием и Германом Соловецкими и Емельяном Повенецким,[13] которые, как показал один из изветчиков, «простых малознающих людеи в тех в двух скопах пожгли с три тысечи человек» (л. 14).[14] Новые документы свидетельствуют, что связь между палеостровскими самосожжениями и основанием Выговской пустыни была еще более тесной.

В расспросных речах обельных Козмы Исакова и Михаила Петрова Ключаревых от 13 января 1700 г. содержится пространный рассказ о приходе в Челмужский погост Емельяна Повенецкого и его сообщников: «А к ним

---

[10] Беляев И. Д. Слово надгробное... С. 532—533. Этот отрывок почти дословно повторен Иваном Филипповым (см.: Филиппов И. История... С. 87—88).

[11] ГБЛ, ф. 98, № 425, л. 128—128 об.

[12] Вместе с семьями переселились на Выг Захарий Стефанов Дровнин, Лука Федоров, Григорий Иванов, Иван Дмитриев и другие выговцы первого поколения (см.: Филиппов И. История... С. 101—102, 121, 166, 168, 291—292, 295, 307, 322).

[13] См., например: Беляев И. Д. Слово надгробное... С. 529—530; Филиппов И. История... С. 95, 98, 307.

[14] В отписке 1700 г. палеостровский игумен Кирилл сообщал, что в 1687 г. «простолюдинов мужска и женска пола з две тысечи человек... згорели все без остатку» (л. 41), во второй гари, по свидетельству новых палеостровских насельников, пострадало около 500 человек (АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 260). Старообрядческая традиция называет иные цифры: 2700 погибших при самосожжении в 1687 г. и 1500 в 1688 г. (см.: Повесть об осаде Соловецкого монастыря // ПЛДР: XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 158, 186; Филиппов И. История... С. 42, 59).

же в Челмужскои погост он, Амелка, из того Палеостровского монастыря из острошку многолюдством и с ружьем приезжал...[15] И приехав де он, Амелка, с товарыщи в Челмужскои погост и церковь божию пограбил и местную икону святых апостол Петра и Павла и книг старых выходов Евангелие напрестольное, а другое толковое да Апостол, Устав, Псалтырь, Минею общую, Шестоднев да двои ризы взял и свез в монастырь, а Служебник де новоисправленои выдрал, да в доме их, Коземки з братьею и с племянники, они, воры, пограбили платье и книги домовные старые печати пять книг и ружье и рыбу и потому ж свезли с собою в монастырь же. И после де того Емелкина к ним приезду и грабежу немного спустя приходил к ним в Челмужскои погост из лесов товарыщ и советник ево, Емелкин, расколник же каргополец Васка Быков» (л. 48). Упоминаемый в документе Василий Быков, уведший с собой в Палеостровский монастырь крестьян Челмужского погоста, позже принявший от инока Корнилия постриг с именем Варлаама, много сделал для укрепления Выговского общежительства; он был также духовным отцом Андрея Денисова и Даниила Викулина.[16] Как сообщали далее Ключаревы, во время гари 1688 г. «ис *тех воров немногие в то время ис скопу вышли» (л. 49). Аналогичные* сведения находим и в извете прожившего несколько месяцев на Выгу Мартемьяна Никифорова: «...а сами они, пущие воры, многие, ушед, собрались... в воровскои стан у Выгу реки...» (л. 14). Таким образом, избежавшие самосожжения ученики соловецких выходцев Игнатия и Германа стали одними из первых выговских жителей. Более того, как показал тот же Мартемьян Никифоров, Емельян Повенецкий приходился родным племянником Дионисию Евстафьеву, отцу братьев Денисовых: «...того же воровского расколническаго стану бывшеи началник и пущеи вор Емелка Второго... Дениску Второго роднои племянник» (л. 14).[17]

Описывая достаточно подробно вторую Палеостровскую гарь, игумен Кирилл опасается нового разорения обители от выговцев, живущих «от того нашего Палеостровского монастыря не в далном разстоянии на лесах в прежних воровских расколних станах» (л. 43). Михаил Марков, сын попа

---

[15] Об этом же сообщал и игумен Кирилл. В 1688 г. Емельян Повенецкий «со многими *своими воровскими товарищи» «в том нашем монастыре засели и укрепили из монастырьского* церковного готовленого лесу и из старого хоромного строенея острог с немалою крепостью и ис того острогу выезжали в те околние места» (л. 41).

[16] Филиппов И. История... С. 124—126.

[17] Предположение, не имевшее, однако, документального подтверждения, о принадлежности братьев Денисовых и Емельяна Повенецкого к одному роду выдвигал Н. И. Барсов, обративший внимание на то, что эти люди носили одну и ту же фамилию Второго (Барсов Н. И. Братья Андрей и Семен Денисовы. Эпизод из истории русского раскола. М., 1866. С. 53). Как убедительно показала Р. Б. Мюллер, материалы, касающиеся выступлений крестьян Шунгского погоста против Тихвинского монастыря, свидетельствуют, что во главе этого движения стояли посадские люди братья Иван и Яков Евстафьевы (Мюллер Р. Б. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем // ИЗ. М., 1953. Т. 43. С. 238—244) и Емельян Иванов сын Второго был сыном Ивана Ефстафьева (Мюллер Р. Б. Из истории раскола на Севере России (Самосожжения в Палеострове) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 179—180). Следует заметить, что Андрей Денисов, излагая свою родословную, называет по именам лишь двух сыновей Евстафия (бывшего, видимо, вторым сыном Ивана Борисовича Мышецкого, откуда и пошла фамилия Второго) — Дионисия, отца первых выговских киновиархов, и Якова, приходившегося дедом Петру Прокопьеву (см.: Беляев И. Д. Слово надгробное... С. 527). Таким образом, есть все основания утверждать, что как предводители шунгского крестьянства 70-х гг. XVII в. Иван и Яков Евстафьевы, так и организатор Палеостровских гарей 1687 и 1688 гг. Емельян Иванов и основатели Выговской пустыни Андрей и Семен Денисовы и Петр Прокопьев принадлежали к одному роду.

Марка Хрисанфова,[18] в своих расспросных речах также сообщает: «А в прошлых де годех ис тех же лесов такие ж воры и расколники Емелка Второго с советники своими в Шунгу и в Толвую и на Повенец выезжали и людеи многих подговаривали...» (л. 63). Эти сведения о вторичном использовании становищ Емельяна Повенецкого находят подтверждение и у Ивана Филиппова. Даниил Викулин, скитаясь по Выговской пустыни, жил сначала на реке Оле, затем «прейдоша на Рязань в Емельанова строения келии и ту жити начаша».[19] Позднее, в начале XVIII в., выговцы перевезли одну из келий к себе в общежительство («келию готовую Емельяновскую привезоша с Рязани и поставиша портным швалям швальню»).[20]

Находящиеся в «Деле об олонецких раскольниках» документы показывают, что в конце XVII в. во главе Выговской пустыни стояли Даниил Викулин, Дионисий Евстафьев, его сын Андрей и племянник Петр Прокопьев (см. л. 13, 43, 63). Следует отметить, что для выговских источников не характерно выделение особой роли отца братьев Денисовых в период становления общежительства.[21]

Особую ценность одному из документов дела — известной челобитной Мартемьяна Никифорова (она публикуется в приложении) — придает подробное описание Выговской пустыни, сделанное очевидцем[22] и касающееся

---

[18] Михаил Марков был женат на родной сестре Захария Стефанова Дровнина, одного из первых выговцев. В расспросных речах Михаила Маркова содержится подробный рассказ об увозе в раскол его первой жены. Поскольку этот рассказ затрагивает многие важные вопросы начальной истории Выговской пустыни, имеет смысл привести его полностью: «А жену де ево, Мишкину, первую, Парасковьицу Степанову дочь, чреватую, в прошлых годех, тому минуло лет з девять (т. е. около 1691 г. — *Е. Ю.*), после последнего Палеостровского от воров и расколников разоренья и пожогу, подъехав зимою ночью из лесов из воровских расколних пристанищ воры и расколники, и взяв ночью же з двора из бани, свезли за Онего на лесы. А хто имяны те расколники приезжали и жену ево свезли, и того де он не ведает и не видал, и о том де приказному старцу, а имени де ему не упомнит, да слуге Василью Иванову он извещал. А ныне де она живет в расколе на лесах, а по совету ли жены ево те расколники приезжали и ее в раскол взяли или силно, и того де он, Мишка, не ведает. А он де с ними, ворами, совету не имел и за женою своею расколу и противности не видал. И после де того недели з две спустя приезжали к дому отца ево ночью без него, Мишки, такие ж воры и расколники, незнаемые многие люди с ружьем, а толко де отец ево узнал шурина ево, Мишкина, толвуянина Захарка Дровнина, и учали для грабежу в дом их ломитца, и отец де ево, Мишкин, поп Марк убежал задними воротами на колокольню и учал в колокол бить всполох, и люди де из деревень прибежали, и они де, воры, от двора их прочь на озера отъехали и учали из ружья стрелять, а живота де никакова в то время у них они, воры, не пограбили. И после де того недели с три спустя при нем, Мишке, приезжали те ж воры и расколники из лесов ко двору их ночью многолюдством, и с ружьем и во двор их вломились, и отца ево попа Марка, сыскав на сарае в соломе, обухами били, и бороду выдрали, и ево, Мишку, связали, и пограбили у них иконы Деисус в трех лицех да книги Псалтырь новоисправную, да пищаль, и платье, и всякои житеискои завод, и жены ево Парасковьицы приданое. И на поезде отца ево хотели в воду бросить, а говорили ему: „Для чего де ты, поп, на нас извещаеш и скаски подаваеш?“ И ево, Мишку, связана из двора водили до озера и хотели было свесть с собою ж в раскол, и он де, Мишка, с ними не пошел, и сильно де ево они не взяли и связаного домои отпустили. И про то де про все ведомо соседом, и приказным, и околним жителем. А узнал де он, Мишка, в то время толко толвуянина Фомку Семарина, что ныне в Толвуи казнен, да шурина своего прежнеи жены брата Захарка Дровнина да толвуянина Левку Духанина, а иных де он никого не узнал. А после де того они, воры, к ним на дом николи и по се время не приезживали» (л. 59—60). На Выгу Прасковья приняла постриг с именем Пелагеи, позже была поставлена «большухою» на Лексе. См.: Филиппов И. История... С. 347—348.

[19] Там же. С. 98.

[20] Там же. С. 112.

[21] Сведения, сообщаемые Иваном Филипповым, чрезвычайно скупы: Дионисий Евстафьев пришел на Выг с сыновьями Семеном и Иваном в 1697 г., «поживе несколько времени добре», преставился в июне 1705 г. (Филиппов И. История... С. 106, 112).

[22] Следует отметить, что показания Терешки Артемьева о «Данилкином пристанище» сделаны с чужих слов, сам Терешка у Даниила Викулина не бывал (см.: Демкова Н. С. О начале Выговской пустыни... С. 244).

даже таких бытовых деталей, как белые настоятельские кельи на жилых подклетах, изразцовые («ценинные») печи, стенные часы, шелковое платье общежителей, мост с перилами (л. 13).

Выговская традиция относит основание Выговской пустыни к осени 1694 г.,[23] однако из расспросных речей Терешки Артемьева следует, что земли по реке Выг стали заселяться старообрядцами уже в самом начале 90-х гг. XVII в.[24] Это документальное свидетельство, видимо, более соответствует действительности, поскольку уже к концу последнего десятилетия XVII в., как явствует из «Дела об олонецких раскольниках», общежительство не только характеризовалось налаженным бытом, но и располагало обширным, сложившимся и многоотраслевым хозяйством: две мельницы, распаханные пашни «о реку о Выг в обе стороны верст по десяти» (л. 14), значительные хлебные запасы («хлеба в анбарах и в земляных ямах есть многое число» — л. 14), большое поголовье скота («лошадеи самых добрых болши ста да коров ста с полтора» — л. 18), различные ремесла («всякои промышленои завод есть» — л. 18), промыслы («живут на промыслу на море и в Колском острошку на зимовье и всякие звери добывают» — л. 14), торговля («ездят со всякими торгами к городу Архангелскому и в Весь Ехонскую и к Москве и в ыные городы» — л. 14).

Иван Филиппов первые закупки выговцами хлеба в Поволжье относит к «зяблым» 1705—1712 гг.,[25] однако, как следует из показаний Мартемьяна Никифорова, торговые (а вместе с ними и другие) контакты были налажены гораздо раньше, в конце 90-х гг. XVII в. («А хлеб они, расколники, привозят из низовых городов...» — л. 17).

Все та же челобитная Мартемьяна Никифорова сообщает интереснейший неизвестный ранее факт, из которого следует, что Выговская пустынь, разворачивавшая активную хозяйственную деятельность, к исходу своего почти десятилетнего существования еще не обрела осознания собственной исторической и культурной оседлости, еще не связала окончательно свою судьбу с отвоеванной у лесов и болот землей, с расчищенными и обработанными пашнями. В конце XVII в. выговцы, как следует из документа, обсуждали проекты перехода из государственных крестьян в помещичьи («итти им к Москве и домогатце во крестьянство за кого мочно за ближних людеи» — л. 15). Следует отметить, что государственные крестьяне являлись наименее эксплуатируемой группой данного сословия и переход из государственных в помещичьи был весьма нетипичен для русского крестьянства XVII—XIX вв., однако, видимо, привлекателен для старообрядцев, что может быть объяснено рядом причин, в частности стремлением обеспечить бóльшую свободу в деле соблюдения древлего благочестия («чтоб жить... за обороною знатных особ без опасу» — л. 15) и, возможно, нежеланием подчиниться государству антихриста. Этот путь воплотили в жизнь представители федосеевского согласия, основавшие в 1710 г. свое общежительство на землях А. Д. Меньшикова, что, однако, не спасло Ряпину мызу от разгрома в 1719 г.

На случай неудачи замысла по изменению социального статуса выговцы предусматривали переход на жительство в Поволжье, к керженским старообрядцам («И буде ни за кого во крестьянство не доидут, и у них, воров,

---

[23] См.: Филиппов И. История... С. 105; Выгорецкий летописец // Братское слово. 1888, № 10. С. 796; ГБЛ, ф. 98, № 900, л. 1 об.

[24] Демкова Н. С. О начале Выговской пустыни... С. 244.

[25] См.: Филиппов И. История... С. 109; Выгорецкий летописец — ГБЛ, ф. 98, № 900, л. 1 об. На основании выговских источников излагается этот вопрос и в литературе (см.: Дружинин В. Г. Очерк старообрядческой колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1. С. 72).

смыслено с тамошними нижогороцкими расколники зговоряся и преходить на житье на Волгу в тамошнеи скоп, что блиско Нижного» — л. 16). Видимо, в выговской среде обсуждались и другие варианты, поскольку в «Истории Выговской пустыни» имеется относящееся к периоду 1697—1705 гг. свидетельство — довольно глухое — о том, что Андрей Денисов «походил к морю мест искати, где житие зачати», однако Дионисий Евстафьев «запрещаше сыну мест искати и глагола им простою речью: „Живите тут, где отцы благословили и кончалися, хотя и много ходиш да ищеш, да тут сорока кашу варила, таковское сие место по времени", — и бысть тако по его пророчению».[26] Еще одна, последняя попытка переселения, связанная на этот раз с плодородными каргопольскими землями, была предпринята в 1713 г.[27]

Неизвестно, как сложилась бы история старообрядчества в последующие века, если бы планам выговцев, особенно что касается соединения с Керженцем, суждено было осуществиться. Пока же выговские насельники, памятуя жестокие гонения на северное старообрядчество в 80-х гг. XVII в., были озабочены своей безопасностью на прежнем месте жительства. В расспросных речах Терешки Артемьева 1695 г. отмечалось существенное отличие «раскольнического пристанища» Даниила Викулина от поселения инока Корнилия. В общежительстве, организованном бывшим шунгским дьячком, в «келье великой» были «устроены окна», «откуды от присыльных людей боронитца», имелось также различное оружие.[28] Судя по извету Мартемьяна Никифорова, эта готовность первых выговских жителей к активному сопротивлению властям сохранялась и позднее (см. л. 16). Новгородский митрополит Иов при пересказе данного челобитья в отписке царю еще раз подчеркнул этот момент, добавив: «А есть ли де по них, воров, по указу великаго государя будет какая посылка, и они де будут противится» (л. 3).

Массовое старообрядческое заселение земель по реке Выг с неизбежностью ставило новое общежительство в определенные отношения с местным населением. С одной стороны, первых поселенцев преследовали доносы; это очевидно как из материалов рассматриваемого дела, так и из «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова.[29] Особенно старообрядческое «пристанище» беспокоило местные церковные власти. Михаил Марков в распросе показал, что пришедшие в Шунгский погост выговцы во главе с Захарием Дровниным[30] схватили его отца, попа Марка, и говорили ему: «Для чего де ты, поп, на нас извещаеш и скаски подаваеш» (л. 60). С другой стороны — и это самое главное, — общежители, большинство которых составляли заонежские крестьяне, пользовались широкой поддержкой поморского населения. Жалобы на «крестьянское противство и ослушание» содержат все имеющиеся в деле отписки местных властей.

Так, в 1699 г. не удалась попытка олонецкого воеводы Василия Зотова привлечь крестьянское население к поимке старообрядцев: «Олонецкого уезду вотчины Вяжитцкого монастыря Толвуиского погоста крестьяне во всем учинились противны, о вышеписанных церковных расколниках и о их воровских учителех и о станех скаски не дали, а Шунского погоста

---

[26] Филиппов И. История... С. 106.

[27] Об этом см.: Понырко Н. В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 297—303.

[28] Демкова Н. С. О начале Выговской пустыни... С. 244.

[29] Филиппов И. История... С. 35, 47, 97, 124.

[30] О Захарии Дровнине см.: Там же. С. 91, 94, 100—105, 136, 150, 166, 255, 272, 306—309, 349.

вотчины Тихфина монастыря крестьяне дали тому подьячему скаску, что в их Шунском погосте воров и церковных расколников и их воровских учителеи и станов нет» (л. 6). Крестьянин того же Шунгского погоста Тимофей Феофилов Соловар в своем извете опроверг эту мирскую сказку: «А брат мои Марчко живет же в тех расколних станах» (л. 8).[31]

Со своей стороны выговцы включились в борьбу крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем и Толвуйского погоста с Вяжицким монастырем. Эта бороба, длившаяся на протяжении всей второй половины XVII в., выражалась как в неоднократных приписках крестьян к монастырям и отписках их вновь на государя, так и в вооруженном сопротивлении толвуян.[32] В 1699 г. новгородский митрополит Иов сообщал в отписке царю: «В тех волостях Хутынскаго Вяжицкаго и Тихвинскаго и иных монастырей, в вотчины приходя скопом и нарядом, воры и расколники по научению и по наровке тамошних крестьян посланных людеи для зборов денег грабят и убивают до смерти» (л. 4). Совместные действия местного крестьянства и выговских старообрядцев против монастырей серьезно беспокоили церковные власти: «И от того их, расколников, воровства и наглова разорения и от крестьянскаго противства и ослушания в заонежских погостех во многих монастырских вотчинах, а наипаче в волости Вяжицскаго Николаевскаго монастыря в погосте Толвуиском, кумпанства моего твои, великаго государя, корабелныя денги и иныя всякия окладныя и неокладныя со крестьян поборы останивились вконец» (л. 3), — пишет митрополит Иов Петру I. Глава новгородской епархии в своей отписке приводит расспросные речи толвуянина Андрея Иванова, который был свидетелем одного из столкновений старообрядцев с властями Вяжицкого монастыря: «Архимандрит де их Ефрем с старцами и со служебники приехал к ним в Толвуискои погост до праздника верховных апостол Петра и Павла днеи за пять и стоял на погосте во особом дворе и тои Толвуискои волости старосте Кирилке и выборным крестьяном в карабелное строение и на припасы, разложа по тяглам, денги збирать велел. И июня де к 28-му числу в нощи незнаемыя воры, знатно расколники, пришед скопом со многим ружьем, на сонных людеи напали и у монастырскаго двора ворота высекли и у сенеи архимандричьих двери выломали. И виде де он, архимандрит, тот их воровскои приход, из тои избы ушел и бежал полем, и те де воры ево поимали, и бив, свезли с собою неведомо куды, знатно, что в расколницкия свои становища. А живет де он, Андрюшка, от того погоста в пяти верстах, а пять де деревень круг того погоста стоят в самои близости и на одном поле, а в тех деревнях дворов будет с тритцать и болши, и помощи подать было мощно. А тот де воровскои приезд староста и выборныя люди и околних ближних деревень крестьяня слышали ли и для чего на выручку и на крык не вышли, про то де они сами скажут» (л. 1).

Помимо молчаливой поддержки старообрядческого движения население Поморья в значительной мере способствовало укреплению Выговской пустыни в первые годы ее существования. Игумен Палеостровского монастыря Кирилл в 1700 г. сообщал, что выговцы «и в Шунскои, и в Толвуискои, и в Челмужскои погосты, и на Повенецкои рядок выезжают почасту и всякие припасы в тех погостех себе оне, воры, промышляют, а жилецкие люди их, воров, в домы к себе припущают и всякими припасы ссужают,

---

[31] Один из первых поселенцев Марк Феофилов упоминается в извете Мартемьяна Никифорова (л. 18), в «Истории Выговской пустыни» (Филиппов И. История... С. 94) и в ревизской сказке 1744—1745 гг. (ГБЛ, ф. 17, № 5, л. 2). Умер в Выговской пустыни в 1731 г.

[32] Подробнее об этом см.: Мюллер Р. Б. 1) Борьба крестьян Шунгского погоста... С. 237—245; 2) Из истории раскола... С. 176—177.

а в городех воеводам и приказным людем оне, вышеписанных мест жилецкие люди, на них, воров и расколников, не извещают, а чинят им, ворам и расколником, во всем понаровку» (л. 43—44).

Обнаруженное в фондах ЦГАДА «Дело об олонецких раскольниках» позволяет выявить еще одну ранее не отмечавшуюся черту начальной истории Выга. Переселившиеся в старообрядческое общежительство заонежские крестьяне к началу XVIII в. не порывали связи со своим хозяйством, со своей землей. В отписке митрополита Иова сообщается, что «расколники де толвуяня, приезжая в тот Толвуискои погост, прежния свои участки пашут и к сродником своим ездят» (л. 1). Это подтверждается также показаниями Тимофея Феофилова Соловара («и они, расколники, в том Шунском погосте деревеньскими участъками владеют...» — л. 8) и Мартемьяна Никифорова, обвинявшего местные власти в сокрытии подобных фактов («и приказные старцы, и слуги, и волостные старосты про тот их расколническои приход, про владенье участков подлинно знают и ведают» — л. 18—19).

Не менее ценные сведения сообщают новые источники по вопросам складывания беспоповского вероучения и выговского устава. Так, показания Мартемьяна Никифорова свидетельствуют о сложившемся на Выгу к концу XVII в. почитании новых старообрядческих мучеников и их мощей. Особенно интересно сообщение о попытке выговцев отыскать и перевезти в общежительство останки соловецкого подьячего Ивана Захарьева, казненного во время осады Соловецкого монастыря в 1671 г. (см. л. 15).[33] В этой же челобитной указывается на то, что выговцы «церкви Божии... называют латинскими костелами» (л. 14), не приносят моления за царя. Изветчик описывает также обряды причащения Богородичным хлебом, крещения и погребения. О том, как соблюдают эти же обряды приверженцы старообрядческого вероучения, которые живут в миру и «церковным расколником станы держат по домом своим», сообщает шунжанин Федот Шахов: «Хто у них, тех вышеписанных расколников, родитца, крестят и причащают в хлевах на дворех, а хто умрет, и тех они, становщики и расколщики, похороняют у них, становщиков, поблиску в наволоках, а к церкви Божии не приходят» (л. 56).

Почти каждая работа, касающаяся истории Выговской пустыни вообще и выговской литературной школы в частности, как правило, указывает на роль выговской библиотеки как источника высокой грамотности и культурных достижений Выга.[34] О складывании этого богатейшего собрания рукописной и старопечатной книги можно судить прежде всего по упоминаниям Ивана Филиппова о многочисленных поездках первых выговских наставников по всей России с целью собирания книг.[35] Много способствовал пополнению библиотеки созданный в пустыни скрипторий. В книгохранительницу, видимо, попадали и личные, келейные книги общежителей.[36] «Дело об олонецких раскольниках» проливает свет еще на один источник складывания выговской библиотеки. Мартемьян Никифоров,

---

[33] См. доклад, приговор и указ по делу подьячего Ивана Захарьева (Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 143—145). Как нового мученика соловецкого подьячего описывают и выговские сочинения: «История о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова (Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 164—165) и «История Выговской пустыни» (Филиппов И. История... С. 28—29).

[34] См., например: Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. С. 8; Островский Д. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914. С. 77; Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154.

[35] Филиппов И. История... С. 107, 136, 157, 269.

[36] Подробнее об источниках формирования выговской библиотеки см.: Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874. С. 3—20.

до переселения на Выг служивший пономарем и старостой в толвуйской церкви Николая Чудотворца, рассказывая о своем первом столкновении с выговцами, сообщает, что впущенные им ночью в церковь Даниил Викулин и Захарий Дровнин «увидели старые книги, писаны на харатии, которые даны... из Троецкого Сергиева монастыря из казны на соруженье вышеименованнои церкви Николая Чюдотворца, а тех книг было две, и те книги они, воры, Данилко и Захарко, взяли» (л. 11).

Сохранившиеся в одном из дел Новгородского приказа материалы о начале Выговской пустыни характеризуются различной степенью полноты. Несомненно, особое место принадлежит публикуемой нами изветной челобитной толвуянина Вяжицкого монастыря крестьянина Мартемьяна Никифорова сына Ивантеева, о личности и судьбе которого позволяют судить как само челобитье, содержащее ряд сведений автобиографического характера, так и другие документы дела.

После пожара в 1686 г. толвуйской церкви Николая Чудотворца Мартемьян Никифоров по мирскому приговору был послан в Москву для сбора пожертвований на постройку нового храма. По возвращении в Толвуйский погост с богатой милостыней он выбирается «к тое церкви в понамари и в церковные старосты» (л. 10), в этой должности он прослужил более двух лет. В марте 1698 г. после конфликта с попом Георгием Леонтьевым и его родственниками Мартемьян был, по его словам, «неволею» увезен в «расколничье пристанище» на Выг, где пробыл около 7 месяцев. На Воздвижение (14 сентября) 1698 г. он вышел из пустыни и подал на Олонце свою челобитную. Изветчики — Мартемьян Никифоров и Тимофей Феофилов Соловар до 24 августа 1699 г. были «держаны на Олонце в приказнои избе и питались с великою нуждею подаянием православных християн» (л. 33), затем одновременно с отпиской олонецкого воеводы Василия Зотова были направлены в Новгородский приказ и, как значится в помете на отписке, взяты в допрос 22 сентября 1699 г. (л. 34). В расспросных речах Мартемьян Никифоров Ивантеев «пополнил, чтоб великии государь указал его, Мартемьянка, из Новгороцкого приказу с приставом свободить для смотру и указыванья олонецких расколников, которых он в вышеназванном расколном пристанище видел, буде на Москве есть, а кого он ис тех расколников на Москве укажет, и тех бы взять в Новгороцкои приказ» (л. 35). 29 сентября 1699 г. оба изветчика по царскому указу были отпущены на поруки «з записью ехать им на Олонец... а жить им, пока места их спросят, в домех своих, а из домов никуда не отлучатца» (л. 36). Хотя личность Мартемьяна Никифорова как доносчика и не может вызвать особого уважения, однако вряд ли следует сомневаться в достоверности сообщенных им сведений, тем более что часть из них находит подтверждение и в других материалах дела.

Ни обнаруженное «Дело об олонецких раскольниках», ни выговские источники не содержат сведений о вызванных изветными челобитными 1699—1700 гг. действиях царских властей. Известно лишь, что в августе 1699 г. новгородскому воеводе П. М. Апраксину была направлена царская грамота о розыске выговских старообрядцев, предписывавшая послать «стрелцов с ружьем новгороцких, сколко человек пристоино, да с Олонца взять стрелцов с ружьем же сто человек и посланным итить к тому селищу со всяким бережением, чтоб ратным людем истери не учинилось, а пришед, тех расколников уговаривать» (л. 31).

Надо полагать, что изветы, отложившиеся в «Деле об олонецких раскольниках», не имели для выговцев серьезных последствий. Они были одними из первых, но не последними в серии доносов на Выговскую пустынь.

Далее мы публикуем челобитную Мартемьяна Никифорова по правилам, принятым в ТОДРЛ.

*ПРИЛОЖЕНИЕ**

л 10 Список с челобитнои.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьет челом и извещает сирота твои из Великого Новагорода Вяжицкого монастыря крестьянин урожением того Вяжицкого монастыря вотчины Толвуиского погоста Вырозерскои волости, что в Олонецком уезде, в Заонежье, Мартемьянко Никифоров сын Ивантиев. В прошлых годех, тому минуло тринатцать лет, по осени в Филипов пост в тои Вырозерскои волости церков Николая Чюдотворца со святыми иконы от небрежения понамаря Игнашка Левонтьева згорела, и тое Вырозерские волости мирские люди послали меня, Мартемьянка, к Москве для собрания на строение новои церкви на место тои погорелои прежнеи церкви. И жил я, сирота, затем на Москве полпята года, и на то, государь, церковное строенье я, Мартемьянко, будучи на Москве, собрал врознь денег сорок три рубли и на те денги купил колокол да икон собрал подаянием православных християн шестьдесят да месную икону во имя Николая Чюдотворца и к тои месной иконы подаянием же мирским обложил поля и венец и гривенку окладом сребрянным да купил три кадила. И тое иконы и колокол и кадила я, сирота, привес с собою в Вырозерскую волость. А как я, сирота, был на Москве, и в то число мирские люди на старом месте построили новую церков во имя Николая Чюдотворца, и я, сирота, что[a] на Москве месную икону построил подаянием православных християн и иные иконы и колокол и кадила все положил в тое новопостроеную церков. И в то, государь, время за мое радение мирские люди выбрали меня, сироту, к тое церкви в понамари и в церковные старосты. И у тое церкви я, сирота, был в понамарех и в старостах два
л 11 года с лишком, и тое церкви поп Георьгии Леоньтьев // з детьми своими и з братом Игнашкою меня, сироту, возненавидили и чинили мне многие обиды.

И ко мне, сироте, пришли ночью в понамарскую келью из воровского пристанища воры, церковные расколники и суемудреники, пущеи вор и расколник, их воровского соньмища началнеи подговорщик и плевосеятель, бывшеи Шунского погоста церковнои дьячек Данилко Викулов, а он, Данилко, вышеписанному попу Георгию сродник, с товарыщем с своим с вором же Толвоиского погоста с вяжитцким крестьянином з Захаркою Степановым с сыном Дровниным, и меня, сироту Мартемьянка, своему расколнему и церкви Божии противному учению подговаривали и звали меня, сироту, в церков ночью. И я, сирота, их, воров Данилку и Захарку, с простоты в церков спустил, и они, Данилко с товарыщем, будучи в церкви, увидели старые книги, писаны на харатии, которые даны по моему сироцкому челобитью, будучи на Москве, из Троецкого Сергиева монастыря из казны на соруженье вышеименованнои церкви Николая Чюдотворца, а тех книг было две, и те книги они, воры, Данилко и Захарко, взяли.

И после того поп Георьги Леонтьев наговорил[б] на меня, сироту Мартемьянка, хотя от того места отогнать, Вяжицкого монастыря приказному слуги Филипу Сидорову, и он, Филип, пришет с волосными людми ко

---

* Выносное «ж» (частица «же») передается как «ж».

[a] *Дописано над строкой.* [б] *Испр.; в ркп.* наговорили.

мне, сироте, в келью, и в тои моеи кельи пограбили они, поп з детьми и слуга Филип и волоснои староста Андриянко Ануфриев с мирскими людми, живота всякаго ценою на сто рублев да денег сорок рублев, а говорили, бутто те денги были церковные казенные, а те, государь, денги были не церковные казенные, мои сироцкие келеиные.

И меня, сироту, в то число били на улицы мерзлыми батоги до великого увечья, и как меня, сироту, бив и муча, ограбили, и в то ж число в вечеру племянник мои Кастьянко Романов прозванием Келарев, прежнеи тех воров и церковных расколников становщик, звал меня, сироту, обманом в ызъбу к И//гнашку Попову, к прежнему вырозерскому пономарю, и как я, *л. 12* сирота, пошел в ызбу, и в тои избе ночевали расколники, вышеписанного вора Данилки товарыщи; Шунского погоста Исачко Колпачков с товарыщи четыре человеки, и у них трое лошадеи. И меня, сироту Мартемьянка, он, Исачко с товарыщи, взяв, посадили в сани и свезли в свою воровскую пристань в Толвоскои погост Вяжитцкого монастыря в деревню на Лебещину и с Лебещины свезли через Онего в Пигматку, что возле Онега озера на берегу. А в том месте у них, расколников, построена келья и анбар болшеи, а в том анбаре они, расколники, ставят хлеб, когда, покупая, привозят из низовых городов через Вытегорскои погост.

И ис Пихматки свезли меня, сироту, к верхнему Выгу реки в свои расколническои болшеи стан, что по их прозванию словет Спаскои монастырь Данилов, и посадили меня, сироту, в подполье на цеп в стул, и держали на цепе в стуле две недели, и говорили они, расколники, что тем от меня просвиры четвероконечного креста отбить, и в однех судах есть мне, сироте, не давали, а кормили особо. И после того они, воры, меня, сироту Мартемьянка, по своему воровскому и церкви Божии противному расколнему учению крестили на реке изнова, и после того их воровского крещения меня, сироту, есть и пить с собою припускали и за стол сажали вместе.

А от вышеписанного пристанища от Пихматки до того их воровского болшего стану до верхнего Выгу по смете разстоянием верст шездесят. А в том их воровском стану их расколников, у Данилки Викулова с товарыщи построена часовня // с трапезою самая болшая и четырнацать келеи болших *л. 13* же, а людеи в скопе в том месте церковных расколников из розных городов мужеска и женска полу и чернцов и черниц человек з две тысечи. А над ними над всеми их воровские началники вышеписаннои бывшеи Шунского погоста церковнои дьячок Данилко Викулов да с Повенца Дениско Второго с сыном своим Андрюшкою да Петрушко Прокопъев Второго ж, ево, Денисков, племянник. И у них, пущих воров у Данилки и у Дениска с сыном и с племянником, построены особые белые кельи на жилых подклетах, подобны светлицам, и печи в тех их особых воровских кельях ценинные, и в тех же их кельях держат часы стенные. И живут они, расколники, в покое, платье носят пущие воры и подговорщики по вся дни шелковое. А против их воровского стану учинен у них, воров, черес Выг реку мост болшеи, по обе стороны с перилами. И на тои же реки на Выгу построено у них, воров, две мелницы немалым заводом.

А чинят сами и иных поучают жить они, пущие воры, по своему суемудренному воровскому намерению, крестятца двоеперстным сложением и во всем церкви // Божии стоят в противности, и от церкви Божии *л. 14* освящения и святых таин сами не принимают и людеи к тои же противности приводят и научают всегда, а церкви Божии своими еретическими словами называют латинскими костелами и многими безчестными словами хулят, и о вашем, великого государя, многолетном здравии потому ж и за святеишаго патриарха и за весь освященнои собор Богу молить запрещают, и сами чинят так же.

А в прошлых, государь, во 195(1687)-м и во 197(1688)-м годех того же воровского расколническаго стану бывшеи началник и пущеи вор Емелка Второго, а вышеписанным ворам Дениску Второго роднои племянник, своим воровским учением подговоря многих людеи Шунского и Толвуиского погостов и иных мест жителеи мужеска и женска полу, и пришед воровским многолюдным собранием в Палеостровскои монастырь, в два ряды разбоиною статьею со многим ружьем [в] монастырь засели, и игумена и из братьеи многих, поневоля и связав, мучили и учинили себе острог и многое воровство, выходя ис того острогу, чинили и правых людеи разоряли грабежем, а иных и до смерти побивали, и по твоих государевых служивых людех у того своего воровского острогу стреляли и до смерти побивали, и тот Палеостровскои монастырь, церкви Божии и всякое монастырьское строенье и казну и заводы пожгли без остатку. И простых малознающих людеи в тех в двух скопах пожгли с три тысечи человек, тут же игумена и из братьи многих за ненависть поневоля, вязаных сожгли, а сами они, пущие воры, многие, ушед, собрались в вышеписаннои в воровскои стан у Выгу реки, и буде об них по твоему, великого государя, указу будет сыск, и они, воры, будут чинить такое ж воровство.

А в вышеписанном их в воровском стану у Выгу реки в часовни икон многое число, и пашни роспаханы о реку о Выг в обе стороны верст по десяти, и хлеб родитца самои доброи, и всякие овощи растут, и хлеба в анбарах и в земляных ямах есть многое число, и ездят со всякими торгами к городу Архангелскому и в Весь Ехонскую и к Москве и в ыные городы, а называютца чюжими имянами и становятся в городех и в волостех у своих знакомцов, и живут на промыслу на море и в Колском острошку на зимовье и всякие звери добывают. И в том же их воровском становище приготовлено лесу бревен болше дву тысечь, а сказывают они, воры, что тот лес у них готовлен бутто на церковное строенье, а в тое свою церковь
л 15 они, воры, антимиса от преосвященнаго // митрополита имат не хотят и тем гнушаются.

Да я ж, сирота, будучи у них в расколном их вышеписанном воровском стану, слышел от них, воров, что оне, воры, сами будучи под клятвою святые церкве, и преждебывших таких же проклятых воров и расколников, которые в упрямъстве и в противности церкви Божиеи были и за то их воровъское дело по вашим государьским указом казнены смертию, таких воров они похваляют. В прошлых, государь, годех воры и мятежники, церковные ж расколники, когда, Соловецкои монастырь заняв, запершися сидели в том Соловецком монастыре, и в то время в Сумском остроге казнен смертию вор и расколник и церкви Божиеи противник бывшеи Соловецкого монастыря служебник Ивашко Захарьев и труп его расколническои отволочен от церкве Божиеи и от Сумского посаду немалое место, понеже проклятои, и зарыт в землю. И оне, воры Данилко Викулов с товарыщи, в частых своих розговорех того казненого вора расколника похваляли и почитают его смерть бутто за правду и Богу угодна. И для вывоски вышеписанного того проклятого раскольничья трупу в воровскои свои стан на верхнеи Выг реку ходил в прошлом 206(1698)-м году в Петров пост вышеписаннои вор Петрушка Прокофьев Второго, Денисков племянник, с Ысачком Колпачком и с товарыщи четыре человека и хотели тот его расколническои труп, привезши, у себя почесть по своему мятежничью воровскому учению за святого, толко оне, расколники, копав земли в том месте много, ничего не сыскали и поворотились в воровскои стан, ничего не добыв.

И от них же, воров, я, сирота, слышел, говорили оне, воры, в словах своих, чтоб итти им к Москве и домогатце во крестьянство за кого мочно

за ближних людеи и чтоб жить в том в вышеписанном месте за обороною знатных особ без опасу, так же, как такие ж воры церковные расколники живут, собрався многолюдством, на Волги близ Нижнего Нова//города, а *л. 16* за кем, того я, сирота, не[в] знаю. И буде ни за кого во крестьянство не доидут, и у них, воров, смыслено с тамошними нижогороцкими расколники зговоряся и преходить на житье на Волгу в тамошнеи скоп, что блиско Нижного. И для того промысла пущеи вор Данилко Викулов с товарыщи з двемя человеки ис того своего воровского стану съехал к Москве в прошлом 206(1698)-м году по первому летнему пути и по мои сиротцкои от них, воров, побег его, Данилки, в воровском становище не было, а ныне он, Данилко, в то свое воровское становище приехал или нет, про то я, сирота, не ведаю. А преж того он, вор Данилко, на Москве не бывал, а ездили к Москве для подговору людеи преж того Андрюшка Денисов и иные воры, а всех по имяном не помню.

А у них, расколников, в том их воровском пристанище ружья, пищалеи, и винтовок, и копеи, и рогатин, и бердышев есть многое число, также пороху и свинцу есть многое ж число, а пищали и винтовки делают в том воровском стану они, расколники, сами, и мастеровые люди у них есть, а порох и свинец привозят из городов, и у них же, расколников, есть пушка, а где они тое пушку взяли, про то я, сирота, подлинно не ведаю, а иные пушки хотят они, воры, у себя делать, и мастеры у них есть же.

Да я же, сирота, слышел от них, воров, что к ним добр в Белозерском уезде дворянин Вояиков, // а имяни я, сирота, ему не знаю, да в Поморье *л. 17* в Ковдинскои волости торговые люди прозванием Мироновы, а один брат тое Мироновых семьи женяся в Сумском остроге и живет в том Сумском остроге, и к ним, ворам и расколником, всякое подаяние от них бывает, потому что они люди пожиточные. И один брат тех Мироновых семьи в вышеписанном в воровском стану на Выге реке у вора Данилки по зиме был немалое время и, быв, вышел, а имяни его я, сирота, не знаю ж. И от них же, воров, я, сирота, слышел, как преж сего пущеи вор Данилко Викулов жил для такого ж воровства и плевелосеятелства в Поморских местех, и они, Мироновых семьи братья, ему, вору Данилки, во всем спомогали ж.

А в речах от них, воров и расколников, я, сирота, будучи у них, слышел, когда по твоему, великого государя, указу по них, воров, посланы будут служилые люди, и они, расколники, против посланных стоять и битца хотят. А хлеб они, расколники, привозят из низовых городов обманною статьею и называютца прикащиками иноземцов, которые живут на железных заводах, также и инных имянами. И тот хлеб перевозят через Вытегорскои погост // до Онега озера, а Онегом до вышеизъявленного пристанища Пихматки, а с *л. 18* Пихъматки к верхнему Выгу. А для покупки хлеба ездили воры и расколники ж вышеписаннои Толвуиского погоста Захарко Дровнин да шунжаня Кастьянко Курсомин, Марчко Соловаров и Тихонков сын Соловарова ж, а иногда и Андрюшка Денисков сын Второго. И на Вытегре стан они, расколники, держат у посадцкого человека у Самсона Михеева, а инных в том погосте есть ли им, расколником, ково знакомых, про то я, сирота, не ведаю.

И в том их в воровском стану их началники по своеи обыкъности причащают, хлеб к друг другу носят болшеи, а тот хлеб называют Богородичен и тот хлеб дробят по куску и друг другу давают вместо причастья.

А скота у них есть лошадеи самых добрых болши ста да коров ста с полтора, да иных пожитков многое число и всякои промышленои завод есть. А в Толвуиском и в Шунском погостех у них, воров, пристанища есть и участками монастырьскими владеют в Толвои, в Софроновои в

[в] *Испр.; в ркп.* на.

деревни да на Вешняковои горы, в Зажокинои деревни и в ынных во многих в деревнях, также и в Шунском погосте, и приказные старцы, и
л. 19 слуги, и волостные // старосты про тот их расколническои приход, про владенье участков подлинно знают и ведают. И они, расколники, у них в кельях бывают и ходят по деревням в Шунъском и в Толвуском погостех без опасу и многих жилецких людеи мужеска и женска полу исповедывают и причащают, а иных перекрещивают по своему расколническому и церкви Божии противному учению явно, не опасаяся, учиня ердани под деревнями в тех Шунском и в Толвуиском погостех на озерах, и в тех ерданех подговореных простых и незнающих людеи при своем воровском деистве в воде погружают. А то чинят мужики простолюдины, и он, вор Данилко, людеи подговоря, перекрещивает[г] же и исповедает и меня, сироту Мартемьянка, исповедал, будучи у них в воровском стану, он же, Данилко. И своих суемудреного их учения послушников умерших у церквеи Божиих не погребают, а свозят умерших тела погребать в воровскои стан, а иных погребают на Онеге озере на островах, и в церков Божиию послушником[д] своим[е] ходить запрещают.

А жил я, сирота, у них, воров, в их расколнем стану, как меня взяли неволею в прошлом в 206(1698)-м году о Великом заговенье, и с того числа до Воздвиженьева дни нынешняго 207(1698)-го году, и не хотя с ними, ворами и расколники, под клятвою быть, ис того их пристанища я, сирота, зговоряся Толвуиского погоста с попом Федосеем Осиповым, которои был у них, воров, в становищо взят по неволи ш, да Выгозерского погоста с Федкою Кокинским, ночью ушли. А ныне тот поп, слышно мне, сироте, что постригся во иноческои чин и живет за благословением великого господина преосвященного Иова, митрополита Великого Новаграда и Великих Лук, в Великом Новеграде в Вяжитцком монастыре.

Милосердыи великии государь царь и великии князь Петр Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуи меня, сироту
л. 20 своево, вели, государь, сие мое сироцкое изветное челобитье // в городе на Олонце столнику и воеводе Василью Никитичю Зотову принять и в книгу записать, а с сего моего сироцкого челобитья списав список и при отписки к тебе, великому государю, к Москве послать, а в чем я, сирота, прогневал Бога и тебя, великого государя, вели, государь, тое мою сироцкую вину простить ради милосердия Божия и своего ради государьского многолетного здравия. А я, сирота, святои восточнои православнои християнскои церкви во всякои душевнои простоте послушник и расколу никакова в себе не имею, и был у них, воров и расколников, в их воровском стану взят неволею, и бояся от святые матере нашея християнския православныя восточныя церкве себе быть в непрощаемои клятве, от них, воров, убежал, надеяся на твою, великого государя, милость, яко же на Божию. И их, церкви Божиеи врагов, суемудренное и расколное умышление в сем моем сироцком челобитье тебе, великому государю, изъявил в правде и впред с такими ворами и мятежниками нималого общения иметь не буду. Великии государь, смилу[и]ся, пожалуи.

Назади подлиннои челобитнои пишет: К сеи челобитнои вместо Мартемьянка Никифорова сына Ивантиева по ево веленью олонецкои площади подьячеи Антипко Семенов руку приложил.

(ЦГАДА, ф. 159, оп. 3, № 4816, л. 10—20).

[г] *Испр.; в ркп.* перекрещивают. [д] *Испр.; в ркп.* послушников. [е] *Испр.; в ркп.* своих.